

С. Д. ДИМИТРОВ – ГЕРОЙ НЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Юрий Алексеевич Виноградов

*Институт истории материальной культуры Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия
vincat2008@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4447-5679>*

Аннотация. Судьба С. Д. Димитрова (1904–1938) стала привлекать внимание исследователей лишь в сравнительно недавнее время. Между тем, она очень показательна для истории нашей страны в 20–30-х гг. прошлого века. С. Д. Димитров родился в Болгарии в рабочей семье, рано приобщился к революционному движению и вступил в Коммунистическую партию. После участия в вооруженном восстании 1923 г. он был вынужден покинуть Болгарию и в 1925 г. эмигрировал в СССР. Здесь он учился в Коммунистическом ВУЗе, а затем в Институте красной профессуры, где специализировался по истории революционного движения в Болгарии и истории Коммунистического интернационала. После завершения обучения, 1 ноября 1934 г., он был принят в Институт истории феодального общества Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Здесь началось его быстрое продвижение по служебной лестнице. С. Д. Димитров становится заместителем директора Института, а в ноябре 1936 г. – исполняющим обязанности директора. Несмотря на явный недостаток специальных знаний, он активно включился в археологическое изучение Крыма, возглавил Крымскую комиссию ГАИМК и Эски-Керменскую экспедицию (1936 г.). Ему была поручена подготовка Крымского пленума ГАИМК, который должен был объединить все научные силы Советского Союза, заинтересованные в изучении истории и культуры Крыма. Этот пленум не состоялся, ГАИМК прекратил существование в 1937 г. Вскоре С. Д. Димитров был арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской троцкистской организации, существующей в Ленинграде среди болгарских политэмигрантов. Он был приговорен к смертной казни и расстрелян 23 сентября 1938 г.; реабилитирован 4 апреля 1956 г.

Ключевые слова: история науки, советская археология, болгарская эмиграция, ГАИМК, Институт истории феодального общества, Крымская комиссия.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-28-00063 «Трагедия Государственной академии истории материальной культуры: судьба учреждения и его сотрудников (1934–1936)».

S. D. DIMITROV, A HERO OF NOT OUR TIME

Yuriy A. Vinogradov

*Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
vincat2008@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4447-5679>*

Abstract. Although the fate of S. D. Dimitrov (1904–1938) began to attract the researchers' attention only recently, it is very demonstrative for the history of our country in the 1920–30s. S. D. Dimitrov was born in Bulgaria into a working-class family; he took part in the revolutionary movement in his early ages, and joined the Communist Party. After taking part in the armed uprising of 1923, he had to leave Bulgaria, and emigrated to the USSR in 1925. He studied at the Communist University and then at the Institute of Red Professors, where he specialized in the history of the revolutionary movement in Bulgaria and the history of the Communist International. After completing his studies, on November 1, 1934, he was admitted to the Institute for the History of Feudal Society at the State Academy for the History of Material Culture (SAHMC). There began his rapid promotion through the ranks. S. D. Dimittrov became a deputy director of the Institute, and the acting director in November 1936. Despite the obvious lack of special knowledge, he

was actively involved in the archaeological study of the Crimea, headed the Crimean Commission of the SAHMC and the Eski-Kermen expedition (1936). He was entrusted with the preparation of the Crimean plenum of the SAHMC, which was supposed to unite all the scholarly efforts of the Soviet Union interested in studying the history and culture of the Crimea. This plenum did not take place, and the SAHMC ceased to exist in 1937. S. D. Dimitrov was arrested soon and charged with belonging to an anti-Soviet Trotskyist organization that existed in Leningrad among Bulgarian political emigrants. He was sentenced to death and shot on September 23, 1938; exonerated on April 4, 1956.

Keywords: history of science, Soviet archaeology, Bulgarian emigration, SAHMC, Institute of History of Feudal Society, Crimean Commission.

Acknowledgments: The study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00063 “The Tragedy of the State Academy for the History of Material Culture: The Fate of the Institution and Its Employees (1934–1936).”

Каждое время выдвигает своих героев, судьбы которых очень ярко отражают присущие ему реалии. В другой исторической обстановке эти судьбы, конечно, сложились бы иначе. В данной статье речь пойдет об очень сложном периоде в истории нашей страны, а именно о 20–30-х гг. прошлого века. Включившиеся тогда «социальные лифты» способствовали продвижению наверх, к вершинам властных структур людей из самых низов общества, но падение с этих высот было другой реальностью тех лет, и оно грозило самыми трагическими последствиями. Все эти особенности отразились на жизненном пути одного из сотрудников Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), Страшемира Димитровича Димитрова (1904–1938 гг.). Став сотрудником Академии, он сделал в ней весьма успешную карьеру, но вскоре потерял жизнь в результате разразившихся репрессий. По этой причине я рискнул назвать С. Д. Димитрова героем того (не нашего) времени.

В истории отечественной археологической науки имя этого человека было практически забыто, о нем стали вспоминать только в самые последние годы [4, с. 62; 9, с. 451; 11, с. 14; 23, с. 270–273; 26, с. 314–315]. Возможно, в силу этой «забытости» в научной литературе о С. Д. Димитрове накопилось некоторое количество фактических ошибок. К примеру, его посчитали родственником лидера болгарских коммунистов Георгия Димитрова [4, с. 62], хотя для этого нет никаких оснований. Здесь следует отметить также, что Димитров – это настоящая фамилия будущего археолога, но он имел еще и партийный псевдоним Мишекопаранов [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 5, 6, 10]. Столь же ошибочно утверждение, что его звали Стратемир [4, с. 62]; на самом деле он носил странное для русского понимания, но популярное в Болгарии имя Страшемир.

Всем понятно, что для того, чтобы составить представление о жизненном пути любого человека, отнюдь не только научного работника, следует обратиться к архивным документам. В данном случае это будут материалы, хранящиеся в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН – «Личное дело С. Д. Димитрова» (Ф. 2. Оп. 1. Д. 181) и его «Послужной список» (Ф. 2. Оп. 5. Д. 90), а также «Следственное дело», находящееся в Архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Д. 3396)¹. Прежде всего, стоит привести одну из автобиографий этого человека (наиболее пространную), составленную не ранее 1935 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 3–4, 29–31]:

«Родился в 1904 г. в семье рабочего-портного, в Болгарии г. Брацигово. Детство провел при отце вплоть до 1923 г. По найму стал работать с 1919 г. сначала в качестве мальчика-ученика портного, а с 1921 г. поступил учиться в ремесленную школу на квалифицированного рабочего-столяра, окончил ее в 1924 г. Во время учебы и после окончания школы работал по найму в мастерских и на фабрике как рабочий-столяр. В Болгарии окончил прогимназию и ремесленную школу, имел незаконченное среднее образование.

Моя сознательная революционная деятельность начинается с момента вступления в Болгарский Комсомол с 1920 г. В организации работал в качестве организатора “деятки” и исполнял др<угие> политические работы.

¹ Благодаря Е. Г. Застрожнову за представленные мне документы.

В 1923 г. во время героического восстания пролетариата в Болгарии принимал активное участие в технико-организационной подготовке восстания. Перед восстанием был арестован за подозрение в участии в подготовке его. В дни восстания принимал участие в качестве рядового бойца. После поражения восстания, через несколько дней, был снова арестован и, после тюремного заключения около месяца, был освобожден под денежной гарантией. С ноября мес. 1923 г. Компартия и Комсомол Болгарии перешли в подполье, а также и наша организация, и с этого времени вплоть до перехода нелегально границы в Югославию я работал в подполье сначала в своем городе, потом в округе и, наконец, в столице Софии. Исполнял много различных функций в политической и военной организациях партии: организовал подпольную комсомольскую организацию, через меня осуществлялась связь с окружной организацией с нелегальным партизанским отрядом при нашей организации, распространял газеты, листовки и т.д. Организовывал выступления в связи с первым маем, народным праздником в городе и т.д. Летом 1924 г. был арестован на несколько дней, затем освобожден, а 10 августа 1924 г., когда была организована облава в городе с целью арестов членов партии и комсомольцев и ликвидации партизанского отряда. В этот день арестовали всю нашу семью; мать, сестру и брата освободили, а отца отправили в ссылку на 9 месяцев. Из-за того, что меня не арестовали. После этого дня я перешел в округ, а оттуда в Софию, где и работал в Софийской организации до момента перехода в Югославию, до начала 1925 г.

В Югославии работал как рабочий-столяр, был оформлен в партию, хотя я считаю мое вступление в Коммунистическую партию Болгарии с момента перехода в подполье, где выполнял партийную работу. В августе вместе с др<угими> т<оварищами> переехал из Югославии в Австрию для переезда на учебу в СССР; во второй половине сентября 1925 г. я приехал в СССР и был направлен в Ком<мунистический> ВУЗ им т. Сталина на учебу, где и проучился до 1928 г., окончил его. В ком<мунистическом> ВУЗ'е в 1926/27 гг. был выбран агитпропом комсомольского кол-ва. Кроме этого работал прикрепленным для руководства партийных кружков на заводах "Красная заря", "Красный водник" и т.д. Летом 1927 г. участвовал в бригаде, выделенной Комвузом по сборанию материала раб<оты> с груп<нами> бедноты по заданию Ц.К. ВКП(б) на Северном Кавказе, Курганского района, станица Михайловская.

После окончания Комвуза по специальному решению Ц.К. ВКП(б) все болгары, окончившие Ком<мунистический> ВУЗ, были направлены работать на заводы, я был направлен в Харьков, работал на заводе "Серп и Молот" в качестве рабочего-столяра. В партийной организации завода принимал участие по линии культпроповской. В конце 1928 г. переехал в Ленинград. Володарский Райком партии направил меня на работу в кол-в Т.Ч. I Октябрьской ж.д. в качестве тех<нического> секретаря и зам<естителя> АПО кол-ва ВКП(б), потом завед<ующего> Культкомбинатом дороги. С сентября 1929 г. районный комитет партии выдвинул меня на работу организовать и заведовать 7-ой Совпартишколой района для текстильных предприятий. С 1930 г. <по> 1934 г. учился в ИКП, окончил его. Три года подряд был партийным организатором семинара, несколько месяцев был председателем Ин-тской профорганизации, зам<естителем> директора Ин-та по учебн<ой> части.

В 1931 г. наш семинар был снят на 2 мес<яца> с учебы и послан на работу в Лен<инградскую> Область по обследованию совхозного строительства в Новогеоргиевском р-не. Тут приходилось работать уполномоченным района по лесозаготовкам, практически проводить ликвидацию кулачества, заниматься вопросами совхозного строительства и т.д. Обком в специальном решении отметил удовлетворительность проведенной работы.

После окончания ИКП был направлен ЦК ВКП(б) в распоряжение ЦКП'б Белоруссии по научно-педагогической работе, но в связи с тем, что там не имело условий для ра-

² ИКП – Институт красной профессуры.

боты по специальности, секретарь ЦК т. Гикало распорядился и поручил Культпропу ЦК перевести меня в распоряжение ЦК ВКП(б).

С приездом в Ленинград – городским комитетом партии направлен на работу в ГАИМК, где и работаю в качестве старш<его> научного сотрудника, а с 25/1–35 г. являюсь врем<енно> исп<олняющим> об<язанности> директора ИИФО».

Автобиография, как нетрудно убедиться, составлена не вполне ясно и местами очень коряво, что не удивительно, поскольку русский язык для С. Д. Димитрова не был родным. Из «Следственного дела» к ней можно добавить несколько важных фактов. Семья Димитровых была весьма многочисленной: отец – Мише Конораисов Димитров, мать – Екатерина Димитрова, три сестры и два брата (Страшемир был средним из них). Находясь в Советском Союзе, С. Д. Димитров женился на Надежде Антоновой; в браке в 1929 г. родилась дочь Родомира [Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. 3396. Л. 7].

Несмотря на непонятность некоторых моментов, обозначенных в автобиографии, и, как будет сказано ниже, несоответствие некоторых из отмеченных в ней фактов другим архивным документам (впрочем, весьма несущественное), это сочинение является очень важным для нас источником информации. Оно позволяет признать, что к 20 годам своей жизни С. Д. Димитров стал настоящим коммунистом-революционером, принял участие в восстании 1923 г. в Болгарии, вынужден был покинуть родную страну и, наконец, эмигрировал в Советский Союз. Теперь надо обратить внимание на основные факты, связанные с его пребыванием в СССР, куда он перебрался в сентябре 1925 г., обозначив это в автобиографии как «переезд на учебу». И действительно, С. Д. Димитров сразу приступил к повышению своего образования, – в 1925–1928 гг. он учился в Коммунистическом ВУЗе им. Сталина. Закончив его, молодой человек работал простым столяром на Харьковском заводе «Серп и молот», но недолго. В конце 1928 г. он перебрался в Ленинград и потрудился на Октябрьской железной дороге, но уже не в качестве рабочего, а парторганизатора.

На этом стоит сделать остановку в пересказе автобиографии и указать, что в «Трудовом списке» С. Д. Димитрова по этим годам имеются совсем иные сведения. Там сказано, что в 1928–1931 гг. он был преподавателем в Совпартшколе, а затем один год преподавал в Ленинградском государственном университете [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 90. Л. 2].

Теперь вновь обратимся к автобиографии. В ней записано, что в 1931–1934 гг. С. Д. Димитров продолжил образование, на сей раз в Институте красной профессуры. Странно, но об этой организации в «Трудовом списке» вообще не упоминается, в ней отмечено, что по 1934 г. Страшемир Димитрович учил студентов в Автодорожном институте [Там же]. Это «умолчание» можно объяснить лишь тем, что годы учебы не считались трудовой деятельностью и, соответственно, не отмечались в «Трудовом списке».

Если в полной мере доверять автобиографии, то стоит обратить внимание, что в 1931 г. он был оторван от обучения и направлен в Ленинградскую область, где ему пришлось два месяца заниматься лесозаготовками, вопросами совхозного строительства и «практически проводить ликвидацию кулачества». В общем, вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что С. Д. Димитров был дисциплинированным и преданным делу партии коммунистом.

После завершения обучения в Институте красной профессуры, он был направлен в распоряжение ЦК партии большевиков Белоруссии, но там ему не нашлось места по специальности (научно-педагогический работник), по этой причине он был переведен в распоряжение ЦК ВКП(б) (!) и возвратился в Ленинград. В «Трудовом списке» белорусский эпизод отсутствует, но, возможно, он связан с тем обстоятельством, что С. Д. Димитров просто не сумел устроиться на работу. В этом документе отмечено, что 1 ноября 1934 г. он был зачислен старшим научным сотрудником Института истории феодального общества (ИИФО) ГАИМК [Там же], и такой записи следует верить в полной мере.

На этом «годы странствий» Страшемира Димитровича закончились и начался новый период его жизни, связанный с ГАИМК. Он-то и представляет для нас основной интерес. Заявление в ГАИМК от Мишекопаранова (Димитрова) Страшемира Димитровича поступило 28 марта 1934 г.: «Прошу принять меня в качестве научного сотрудника Академии по истории Болгарии эпохи феодализма. В июне с<его> г<ода> оканчиваю Историческое отделение Ин-та Красной Профессуры» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 5]. Заявление производит странное впечатление. Во-первых, к нему не приложено рекомендаций авторитетных специалистов, что было необходимо для всех поступающих в Академию, а, во-вторых, претендент на должность научного сотрудника еще не закончил обучения в институте. Не удивительно, что Н. Я. Марр предложил «возбудить вопрос» о том, какая организация направляет Мишекопаранова для работы в Академии [Там же. Л. 6]. Надо думать, организация оказалась очень солидной (в автобиографии она обозначена как Ленинградский городской комитет партии), так что никаких рекомендаций для претендента не потребовалось, но в состав ГАИМК он все-таки был принят только после завершения обучения в Институте красной профессуры, и, повторюсь, случилось это 1 ноября 1934 г. Буквально накануне этого события С. Д. Димитров подал заявление следующего содержания: «Прошу принять меня в качестве научного сотрудника при Академии в ин-т феодализма по разработке проблем феодализма Болгарии. <...> В течение последних двух лет работал над вопросами революционного движения Болгарии» [Там же. Л. 7]³.

К моменту поступления С. Д. Димитрова в ГАИМК эта организация прошла чистку 1930 г., приступила к активной перестройке на марксистский лад, в ее состав был принят ряд коммунистов, которые и должны были реально способствовать этой перестройке [10, с. 166–167]. Это было время активнейшего насаждения марксизма в советской науке, «эпоха бури и натиска», как ее назвал И. Л. Тихонов. По этому поводу он абсолютно правильно заключил, что в такую эпоху «партийность ценилась выше знаний и профессиональных навыков, поэтому не удивительно, что фактически все партийцы сразу же занимали руководящие посты, становились заместителям председателя Академии, директорами ее институтов. И это при том, что никто из них до своего прихода в ГАИМК не занимался археологией, в лучшем случае работая на историческом “фронте”» [23, с. 271].

В этом отношении эпизод с приемом в ГАИМК С. Д. Димитрова не является странным или исключительным, напротив, он по-своему типичен и показателен. В 1934 г. структура Академии претерпела очередную реорганизацию – сектора были ликвидированы, и на их месте созданы институты, которые, в свою очередь, делились на кафедры [10, с. 170–171]. С. Д. Димитров был принят в Институт истории феодального общества (ИИФО), на кафедру феодализма в Западной Европе. В этом Институте трудились многие замечательные исследователи, составившие славу отечественной исторической науки: М. И. Артамонов, А. М. Беленицкий, А. Н. Бернштам, Н. Н. Воронин (ученый секретарь), Б. Д. Греков, А. С. Гущин, М. К. Каргер, В. В. Мавродин, С. Б. Окунь, Н. И. Репников, И. И. Смирнов, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон, А. Ю. Якубовский и др.

Когда С. Д. Димитров был принят в ГАИМК, во главе ИИФО стоял видный советский историк, борец за марксистскую науку Михаил Миронович Цвибак (1899–1937) [о нем см.: 6]. Правда, вскоре тот был обвинен как активный участник троцкистско-зиновьевской оппозиции, 19 января 1935 г. уволен из Академии и Ленинградского университета [6, с. 48], а затем осужден и расстрелян. На пост директора ИИФО был назначен историк и экономист Сергей Митрофанович Дубровский (1900–1970) [7; 19]. Он был авторитетным исследователем крестьянства и аграрных отношений в России [см.: 16], но и под его руководством С. Д. Димитрову, как будет показано ниже, пришлось поработать совсем недолго.

³ В одной из анкет сказано, что С.Д. Димитров подготовил диссертацию «о становлении коммунистического движения», вероятно, в Болгарии [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 2].

Перед всеми институтами была поставлена государственная задача – подготовка учебников по различным разделам истории, а также создание сводов источников (письменных и археологических). В научной литературе правильно указывается, что ГАИМК была создана на базе Российской государственной археологической комиссии (до Февральской революции 1917 г. – Императорская археологическая комиссия), и археология стала важной, но не единственной составляющей научной деятельности Академии. В ней велись исследования по истории искусства, политической истории, истории техники и т.д. Однако даже при столь широком спектре научной деятельности Академии специалист по истории «революционного движения в Болгарии», а именно так С. Д. Димитров обозначал полученное им образование, в нее никак не вписывался. Здесь требовалось решительное изменение, и оно было сделано – на 1934 г. Страшемиру Димитриевичу была поставлена исследовательская тема «Периодизация истории Болгарии раннесредневекового периода в маркс<истской> и с<оциал>-д<емократической> литературе (проблема движения богумилов)» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 9]. Богумилы (богумилы) – это одно из религиозно-социальных еретических движений на Балканах и в Малой Азии X–XV вв., основателем которого был болгарский проповедник Х в. Богомил [см.: 5; 8; 17].

Переход Страшемира Димитровича на путь научной деятельности в Академии, однако, вызвал непонимание в высших структурах партийной власти, и в начале 1935 г. руководство ГАИМК было вынуждено направить в ЦК ВКП(б) специальное письмо и объяснить, почему С. Д. Димитров, окончивший Институт красной профессуры и направленный в Минск, не приступил там к работе и вернулся в Ленинград. В документе сказано, что это произошло не самовольно, а с разрешения соответствующих инстанций «в виду того, что он специалист по ранней истории Болгарии (IX–XIV вв.) и дальше хочет работать в этом направлении. Академии истории материальной культуры такого рода специалист до крайности нужен, не говоря уже о том, что приход тов. Димитрова в Академию является существенным укреплением ее незначительных партийных научных кадров. Сам тов. Димитров выражает согласие и желание работать в Академии и сообщал нам, что его намерение специализироваться по ранней истории Болгарии встретило полное одобрение со стороны членов ЦК Болгарской компартии т. Коларова и Б. Димитрова» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 10]. Приведенное в этом письме утверждение, что С. Д. Димитров являлся специалистом по ранней истории Болгарии, является, мягко говоря, очень большим преувеличением. Это вполне очевидно из сведений, приведенных выше, о том же свидетельствуют и другие документы, которые будут приведены ниже.

У руководства ГАИМК очень скоро возникло желание продвинуть столь нужного специалиста на высокий административный пост. Почти нет сомнения, что это было связано с делом М. М. Цвибака и его увольнением из Академии. Во всяком случае, 9 февраля 1935 г. из ГАИМК в Народный комиссариат просвещения РСФСР было направлено письмо с просьбой дать справку о том, какие материалы следует предоставить в Москву для утверждения С. Д. Димитрова в должности директора Института истории феодального общества [Там же. Л. 11]. Любопытно, что еще до этого письма, 25 января 1935 г., он был назначен временно исполняющим обязанности директора Института, но 20 марта освобожден от нее, зато 5 мая на него возложили обязанности исполняющего обязанности заместителя директора ИИФО, 14 марта 1936 г. временно (до 1 июня) перевели на должность директора и, наконец, 15 ноября 1936 г. он вновь стал вр. и. о. директора Института [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 90. Л. 2–3]. Все эти «скачки» по служебной лестнице выглядят очень странно и кажутся ничем не мотивированными, но все-таки следует признать, что человек, не имеющий ученой степени и даже не опубликовавший ни единой научной работы, на столь высоком посту выглядел как-то неорганично. По этой причине вполне понятно, почему во главе ИИФО стоял С. М. Дубровский, но он был арестован в октябре 1936 г., о последовавших затем событиях будет сказано чуть ниже.

Здесь возникла еще одна коллизия, связанная с тем, что сотрудник такого ранга должен был иметь звание «действительного члена» ГАИМК. Руководство Академии по этому поводу составило кратенькую характеристику Страшемира Димитровича:

«Димитров С. Д. – член ВКП(б), бывший член Болгарской коммунистической партии. Болгарский эмигрант. Окончил Коммунистический ВУЗ им. Сталина и ИКП в Ленинграде по специальности история Коминтерна. В настоящее время переключился на историю средневековой Болгарии. Основная тема: Богумильское движение. Заместитель директора Института истории феодального общества, где является начинающим научным работником. Член парткома Академии» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 24].

В этом документе, конечно, в высшей степени необычно выглядит формулировка, что заместитель директор Института «является начинающим научным работником», но в то время на это не обращали внимания. С. Д. Димитров получил искомое звание 1 мая 1935 г., и в ноябре этого года директор ИИФО С. М. Дубровский дал о своем заместителе следующий отзыв:

«С. Д. Димитров окончил в 1934 г. Институт Красной профессуры со специальностью по истории коммунистического движения в Болгарии. В ИКП им была представлена диссертация на тему “Сентябрьское восстание в Болгарии 1923 года”, кроме того написаны три статьи (Ленинская теория перерастания; Социалистическое движение в довоенной Франции; Германская революция 1923 года). Поступив 1–XI–1934 г. в ГАИМК т. Димитров перешел на изучение истории феодализма в Болгарии, избрав в качестве специальной темы “Богумильское движение”. В течение истекшего года т. Димитров работал над изучением литературы вопроса. Т. Димитров является заместителем директора Ин-та и культпропом Академии. Институт считает т. Димитрова достойным звания действительного члена Института».

Приблизительно к этому времени относится записка С. Д. Димитрова, в которой он обозначил свои основные научные достижения [Там же. Л. 28]. В ней он сразу отметил, что написал диссертационную работу «Сентябрьское восстание в Болгарии», но о защите этой диссертации у нас нет никакой информации. Он отметил также свое участие в сборниках «Об итогах XII Пленума ИККИ»⁴ и «15 лет Коммунистического Интернационала». Им были написаны статьи «Октябрьская революция и международное революционное движение» и «Октябрьская революция и революционное движение Запада в 1918 г.»⁵, а также подготовлен доклад «Германская революция 1923 г.» Все эти сочинения, скорее всего, были составлены до поступления автора в ГАИМК. Тема, над которой он работал в Академии, в записке сформулирована следующим образом – «Крестьянские движения в Болгарии в X–XII вв.». Странно, но о движении богомилов в ней не сказано ни единого слова.

И еще один документ, связанный с деятельностью С. Д. Димитрова в ГАИМК – это краткий отчет о работе за 1935 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935 г. Д. 205. Л. 91], из которого следует, что он занимался сбором материалов по теме «Богумильское движение в Болгарии» и уже успел проработать литературу на русском и болгарском языках, а вот для изучения источников на древнеславянском и греческом языках исследователь, по его признанию, нуждался в помощи переводчика. С. Д. Димитров отметил, что «пересмотрел кроме того все имеющихся археологических материалов» (так в источнике – Ю. В.) Болгарского и Константинопольского институтов⁶ «с целью выявления фактического материала, дающего характеристику эпохи возникновения богомильства». Исследовательскую работу по теме планировалось ориентировать на

⁴ ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала.

⁵ Стоит отметить, что С. Д. Димитров не назвал двух статей, о которых писал С. М. Дубровский, – «Ленинская теория перерастания» и «Социалистическое движение в довоенной Франции».

⁶ Константинопольский институт – это, скорее всего, Русский археологический институт в Константинополе (1895–1920 гг.). В отношении Болгарского института ясности нет.

критику «буржуазных и соц<иал>-демократических историков, касавшихся в той или иной степени данного вопроса». В кратком отчете отмечено еще одно мероприятие, проведенное по поручению Ф. В. Кипарисова, – «специальное совещание по вопросу реставрации Бахчисарайского дворца». Это совещание, как представляется, следует рассматривать в русле планов Академии по расширению ее присутствия в Крыму. Конечно, С. Д. Димитров в своем отчете не мог не посветовать на то, что «чрезвычайно огромная административная и партийная работа» не позволяла ему «выделить огромное место для работы над своей научно-исследовательской работой». Любопытно, но в этом документе сказано, что в течение года Страшемир Димитрович провел немалую редакторскую работу, хотя русский язык он знал не блестяще, о чем свидетельствуют даже некоторые из приведенных цитат.

Сложности, возникшие с исследовательской работой С. Д. Димитрова, отражены и в карточке сотрудника ГАИМК, датированной 27 марта 1935 г. Там отмечено: «Ввиду загрузки, проработана небольшая часть литературы. Уточнена тема и направление работы» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. 1935 г. Д. 205. Л. 88]. И это вполне объективно, – выпускник Института красной профессуры, изучавший историю Коминтера, никак не мог за несколько месяцев стать специалистом по истории средневековой Болгарии.

Уже частично было сказано, что перед ГАИМК стояли очень важные, как тогда говорилось, правительственные задачи. В марте 1936 г. директору ИИФО С. М. Дубровскому было приказано сосредоточиться на подготовке учебника «Истории СССР» для начальной школы, при этом он был освобожден от всей текущей работы по Академии. В приказе по этому вопросу было отмечено: «Подчеркивая исключительное значение поставленной Правительством и Партией задачи создания учебника истории нашей родины для массовой начальной школы, предлагаем всем сотрудникам Академии с максимальным вниманием и ответственностью отнестись к настоящему распоряжению, учитывая тот исключительно короткий срок, в течение которого задача должна быть выполнена» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 181. Л. 37]. Обязанности директора Института на этот «короткий срок» (до 1 июля 1936 г.) были возложены на С. Д. Димитрова.

Для ГАИМКа с самого момента его создания большое значение имели археологические исследования в Крыму. Вполне очевидно, что научная тема С. Д. Димитрова никак не вязалась с крымской проблематикой, и он вполне мог остаться в стороне от нее. На практике же все получилось совсем наоборот, и Страшемир Димитрович включился в это дело самым активным образом. На август – сентябрь 1936 г. ГАИМК были запланированы работы Эски-Керменской экспедиции, на октябрь – Пленум Академии по истории Крыма. С. Д. Димитрову в этих мероприятиях отводилось очень важное место, – ему было предназначено стать начальником Крымской экспедиции, которая проводила исследования в Эски-Кермене, но это случится в 1936 г. [Там же. Л. 46].

Всем хорошо известно, что раскопки в Эски-Кермене в это время проводились под руководством Н. И. Репникова [о нем см.: 12; 20; 26, с. 182–191, 241–244]. В 1935 г. вышел 117-ый выпуск «Известий ГАИМК», посвященный материалам Эски-Керменской экспедиции. В этом издании, в основном, были опубликованы статьи Н. И. Репникова, Е. В. Веймарна и В. П. Бабенчикова, но его редактором был обозначен С. Д. Димитров. Трудно сказать, как Николай Иванович отнесся к возникшему у Страшемира Димитровича интересу к крымской археологии. Во всяком случае, планируя проведение исследований в Эски-Кермене и его окрестностях в 1936 г., он писал в заявлении, поданном С. М. Дубровскому 28 апреля 1935 г., что в состав экспедиции надо включить практиканта ГАИМК «т. Димитрова С. Д., желающего ознакомиться с полевой работой, равно с производством раскопок» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 218. Л. 1]. Ясно, что поначалу тот рассматривался им как обыкновенный практикант, да иначе и быть не могло.

Такое решение Н. И. Репникова нашло полное понимание у В. П. Бабенчикова, отметившего в письме Николаю Ивановичу от 9 декабря 1935 г.: «Конечно, приезд Ди-

митрова имел бы огромное значение⁷. Здесь на периферии (скрывать нечего) к ученому относятся дельцы, как к неуличенному еще вредителю, и при внешних знаках уважения не устают “бдить”. Появление же авторитетного партийного работника придало бы делу иное освещение: партийцы быстро находят общий язык» [Там же. Л. 11]. В. П. Бабенчикову, как видим, представлялось, что участие С. Д. Димитрова в археологических работах в Крыму может оказаться полезным для общего дела, хотя, учитывая дальнейшее развитие событий, можно признать, что он сильно недооценил способностей активного, молодого партийца. У того, скорее всего, уже сложился амбициозный план своей будущей деятельности на новом поприще.

Обычно считается, что в 1936 г. городище Эски-Кермен исследовалось экспедицией ГАИМК при содействии сотрудников Севастопольского музейного объединения (СМО), и это в полной мере справедливо. Столь же общепринятым является утверждение, что этими работами руководил Н. И. Репников [1, с. 114; 2, с. 43; 3, с. 6; 15, с. 125; 25, с. 13], и фактически так оно, конечно, и было. Однако официальные документы свидетельствуют, что начальником Эски-Керменской экспедиции ГАИМК в этом году был назначен С. Д. Димитров; он был командирован в Крым для руководства работой экспедиции с 1 августа по 1 октября 1936 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 218. Л. 46]. Показательно, что Н. И. Репников в своей автобиографии записал: «В 1936 г. работал в качестве *прораба* (выделено мною – Ю. В.) большой экспедиции ГАИМК и СМО в Эски-Кермен» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 554. Л. 2]. Это ироничное определение, как представляется, в полной мере отражает суть дела, – партиец отодвинул заслуженного археолога с поста начальника Эски-Керменской экспедиции.

Только этим, однако, дело не ограничилось. Стоит отметить, что для изучения культуры Крыма в ГАИМК была создана «Крымская комиссия», важную роль в деятельности которой играл Н. И. Репников. Со временем она была преобразована в «Крымскую бригаду при ИИФО по изучению народов СССР». Не трудно догадаться, что ее ответственным бригадиром стал С. Д. Димитров, а Н. И. Репников числился лишь как консультант [Там же. Л. 14]. И здесь, как видим, партийный ставленник вышел на первое место. Трудно сказать, как 54-летний археолог оценивал «наступление» на его позиции 32-летнего коммуниста. Вряд ли он выражал полное удовлетворение по случаю происходивших тогда перемен, но об этом мы ничего не знаем.

Тем не менее, есть основания считать, что отмеченные изменения привели к заметной активизации работы названного научного подразделения ИИФО. Складывается впечатление, что энтузиазм С. Д. Димитрова, помноженный на опыт и знания Н. И. Репникова, дал свой положительный результат. В этом отношении очень показателен отчет о работе Крымской бригады за 1936 г., составленный С. Д. Димитровым и В. Ф. Гайдукевичем [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937 г. Д. 82. Л. 16–18]. В нем, в частности, сказано, что за год было проведено 9 ее заседаний. О каждом из них стоит сказать хотя бы несколько слов.

На первом были рассмотрены вопросы, связанные с поездкой С. Д. Димитрова в Крым для «переговоров об организации совместной работы ГАИМК с Крымскими научно-исследовательскими учреждениями». *На втором*, состоявшемся после его возвращения, в состав Комиссии «были введены руководящие и научные работники Крыма в составе 20 человек», а кроме того ряд московских научных работников. *Третье заседание* было посвящено обсуждению плана археологических работ в Крыму на 1936–1938 гг. Комиссия сделала попытку преодолеть узковедомственные тенденции в своей работе и поставила вопрос «о необходимости финансового усиления чрезвычайно важных исследовательских работ Н. Л. Эрнста по раскопкам мустьерской стоянки Чокур-Ча»; летом 1936 г. для этих раскопок были выделены некоторые средства. *Следующее заседание*, состоявшееся 26 февраля 1936 г., было одновременно заседанием пленума Крымской

⁷ Подчеркнуто в документе.

комиссии, в котором приняли участие некоторые специалисты из Крыма, в том числе Г. Д. Белов, Ю. Ю. Марти, Н. Л. Эрнст, А. Г. Максимович, А. И. Полканов и др. На нем было решено разработать широкий перспективный план археологических работ в Крыму (приуроченный к 3-й пятилетке) и представить его на обсуждение «намеченного осенью Крымского пленума ГАИМК». Через два дня, 28 февраля, на *совместном заседании* Крымской комиссии и Археологического комитета ГАИМК был обсужден и утвержден план археологических работ в Крыму в 1936 г. На следующий день на *пленарном заседании* Комиссии было проведено обсуждение проекта пленума ГАИМК, «посвященного вопросам истории и археологии Крыма». Срок созыва пленума был назначен на первую половину октября 1936 г., при этом провести его предполагалось в Ленинграде и Симферополе.

На *заседании* Комиссии, прошедшем 7 апреля, были обсуждены важные вопросы, связанные с подготовкой к намеченному пленуму:

1. Организация выставки, приуроченной к этому мероприятию.
2. Издание справочника о крымских материалах, хранящихся в архиве ГАИМК.
3. Решено настаивать перед Президиумом ГАИМК о включении в первоочередные издания Академии библиографической картотеки А. И. Маркевича (в части материалов, связанных с историей, этнографией и археологией Крыма).
4. Заслушан доклад Н. И. Репникова о подготовке к изданию материалов по описанию археологических памятников Гераклейского полуострова⁸.

На *восьмом заседании*, состоявшемся 5 июня, был окончательно оформлен проект проведения крымского пленума ГАИМК, после чего он был передан на рассмотрение в Президиум Академии. Весьма показательно, что на этом заседании был заслушан список научных статей по вопросам археологии и истории Крыма, о подготовке которых поступили предложения в Крымскую комиссию. Это было связано с тем, что тогда наметилось издание «Крымских сборников» (по 4 выпуска ежегодно)⁹.

На *последнем заседании* Комиссии 1936 г., состоявшемся 29 ноября, были внесены уточнения и дополнения программы Крымского пленума, а также обсуждены тезисы доклада А. Л. Якобсона, предназначенного для этого мероприятия.

Охарактеризованный документ свидетельствует, что работа Крымской комиссии шла весьма активно и в перспективе имела все шансы на большой успех. В этом отношении, возможно, еще более показателен перспективный план деятельности Крымской комиссии, составленный С. Д. Димитровым и Н. И. Репниковым [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935 г. Д. 218. Л. 14–16], хотя последний здесь, как представляется, играл первую скрипку. В этом документе констатировано, что Комиссия организует свою научную работу в тесном контакте с музеями и научными работниками Крымской АССР, изучающими вещественные памятники Крыма. Такую же помощь бригада осуществляет и другим научным учреждениям и научным работникам во всех местностях Советского Союза, занятых изучением проблем прошлого народов Крыма.

Бригада планировала подготовить к публикации ряд первоисточников по крымским археологическим памятникам.

1. Библиография – Тагиса. Здесь имелась в виду находящаяся в ГАИМК библиографическая картотека по Крыму, собранная А. И. Маркевичем. Она насчитывала около 22 000 отдельных карточек [Там же. Л. 37].

2. Археологические карты по районам Крыма. Первым номером здесь стояла коллективная монография «Памятники Гераклейского полуострова», т.е. известный «Гераклейский сборник», который предполагалось издать в 1936 г. Вторым выпуском карт Крыма была обозначена работа Н. Л. Эрнста «Памятники южного берега Крыма» [Там же], публикация которой была запланирована на 1937 г.

⁸ Имеется в виду знаменитый «Гераклейский сборник», опубликованный лишь в 2019 г. [11].

⁹ «К сожалению, осуществление этого издания не состоялось по независящим от Крымской Комиссии причинам» (прим. авторов документа).

3. Известия писателей и путешественников по Крыму. В 1936 г. планировалось издать сочинения П. С. Палласа, М. Броневского, Обри де ла Моттре и Эвлия Челеби, а в 1937 г. – Дюбуа де Монпере, Шарля де Пейссонеля, Э. Д. Кларка и Мари Гатри [Там же. Л. 38–39].

4. Особо была выделена подготовка к печати «доселе неизданных отчетов о раскопках в Крыму».

Бригада должна была проводить подготовительную работу по организации (один раз в год) отчетного Крымского пленума, созываемого ИИФО ГАИМК. На нее возлагалось ведение переговоров и сношений с крымскими музеями и другими учреждениями, «заинтересованными в проведении обследования и раскопок вещественных памятников Крыма». Особо были обозначены взаимоотношения Крымской бригады с управлениями «Новостроек Крыма», что было необходимо для «успешной организации исследований и раскопок в местах стройки». Подготовленные материалы, соображения и проекты через директора ИИФО надо было вносить в Президиум ГАИМК «для рассмотрения, утверждения и для заключения договоров».

Спору нет, охарактеризованный план производит очень сильное впечатление. Все отмеченные в нем положения важны и полезны для организации исследований истории и культуры Крыма. Особенно подкупает стремление ИИФО к сотрудничеству с крымскими учреждениями. Другой вопрос, – насколько этот план был реалистичен? И дело здесь не только в явно переоцененных издательских возможностях ГАИМК, количестве и последовательности крупных публикаций можно было как-то отрегулировать по ходу дела. Декларированное стремление Академии к сотрудничеству с местными научными организациями, конечно, сейчас воспринимается очень позитивно, но ведь нет сомнения в том, что оно должно было осуществляться под руководством ГАИМК. Хорошо известно, что Академия в то время стремилась поставить под свой контроль все археологические исследования в стране, но такое намерение, как нетрудно догадаться, не встречало понимания в Москве. К примеру, именно на этой почве у Академии возник серьезный конфликт с московскими археологами на Таманском полуострове в 1930–1931 гг. [13; 14]. На первый взгляд, в Крыму такого не должно было произойти, хотя всякого рода сложностей, связанных с выполнением намеченного плана, явно возникало немало.

В этом отношении стоит еще раз обратиться к охарактеризованному выше отчету о работе Крымской бригады за 1936 г. Дело в том, что он не ограничивался перечислением заседаний и обсуждавшихся на них вопросов. Его завершает довольно большой текст, в котором обрисована непростая ситуация, связанная с работой по подготовке Крымского пленума ГАИМК. Этот текст настолько важен, что его следует привести полностью [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935 г. Д. 218. Л. 17–18]:

«В декабре месяце выяснилась необходимость переноса пленума на январь¹⁰. К сожалению, Симферопольская Комиссия по подготовке Крымского пленума ГАИМК не проявила должной оперативности, и окончательное решение вопроса о времени созыва пленума чрезвычайно затянулось. Только в конце декабря, после неоднократных запросов удалось установить, что пленум необходимо перенести на февраль 1937 г.

Несмотря на то, что осуществление намеченного Крымского пленума ГАИМК совместно с научно-исследовательскими учреждениями Крыма встретило немало организационных трудностей, однако, проделана большая организационная работа как в Ленинграде, так и в Симферополе, и есть основания думать, что в начале 1937 года Крымский пленум ГАИМК, хотя и с некоторым опозданием, удастся вполне успешно осуществить. Пленум этот, на котором соберутся все основные научно-исследовательские силы по изучению истории и археологии Крыма, безусловно поможет еще сильнее закрепить тесную связь Академии с Крымскими научными работниками и учреждениями

¹⁰ Чуть ниже в этом документе сказано, что пленум надо перенести не на январь, а на февраль. Напомню в связи с этим, что на заседании Крымской бригады 29 февраля 1936 г. было решено провести его в первой половине октября 1936 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937 г. Д. 82. Л. 16].

ми, поможет прочно объединить все силы, поможет наладить широкую планомерную археологическую работу в Крыму так, как этого заслуживает орденоносная Кр<ымская> АССР, обладающая исключительными историческими памятниками.

В качестве положительного момента в работе Крымской Комиссии за истекший год следует особо подчеркнуть хорошо налаженную связь с местными крымскими работниками, учреждениями Крыма. В этом отношении имеются определенные достижения.

Важно и то обстоятельство, что впервые был составлен общий план археологических работ на 1936 г., в котором была учтена целесообразность каждой экспедиции и устранена опасность параллелизма и дублирования работ. Конечно, в этом приходится видеть лишь зачаточные формы настоящего планирования научно-исследовательских археологических работ в Крыму, но и проделанная работа уже дала некоторый опыт, который безусловно пригодится при дальнейшем широком развертывании работ. В частности, очень серьезное значение следует придавать обсуждению пятилетнего плана археологических исследовательских работ в Крыму, которое включено в качестве одного из вопросов программы работ предстоящего Крымского пленума ГАИМК».

Вполне очевидно, что этому пленуму и проведению Эски-Керменской экспедиции в ГАИМК придавалось очень большое значение, и главным деятелем двух названных мероприятий был признан С. Д. Димитров. В начале 1936 г. он был командирован в Крым для работы «по увязке археологических исследований и для подготовки Крымского пленума Академии» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 181. Л. 32]. 2 июля 1936 г. ему было выдано официальное удостоверение, свидетельствующее, что Страшемиру Димитровичу «поручено Академией проведение организационных мероприятий по подготовке XVII пленума Академии в г. Симферополе в октябре м-це 1936 г.» [Там же. Л. 47]. Это время, как говорилось выше, оказался неподходящим, но и новый срок, определенный как январь или февраль 1937 г., тоже многих не удовлетворял. В этом отношении стоит привести письмо в Крымскую комиссию от известного археолога О. Н. Бадера, написанное им 8 декабря 1936 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937 г. Д. 82. Л. 42]:

«Прошу сообщить мне, как члену Комиссии, об окончательном сроке созыва Крымского пленума ГАИМК. Новый вариант срока – 10 января, я и ряд товарищей-москвичей считаем очень неудачным, т.к. это время неудобное для проведения экскурсий, а без экскурсий Крымский пленум много потеряет. Из переговоров с археологами в Симферополе несколько дней назад у меня создалось впечатление, что они такого же мнения. Наиболее удачное время для созыва пленума, по-моему, – конец апреля или май».

Проведение Крымского пленума ГАИМК 1936 г., как видим, постепенно теряло свой смысл, надо было думать о пленуме следующего, 1937 г., но до этого дело так и не дошло. Однако следует еще несколько слов сказать об участии С. Д. Димитрова в Эски-Керменской экспедиции. Любопытно, что он вернулся из нее 15 сентября 1936 г., т.е. на две недели раньше намеченного срока, по вызову администрации ГАИМК [Там же. Л. 51, 54 об.]. Нет сомнения, что неотложных дел в Академии накопилось немало, а ее будущее казалось все более неопределенным. 26 октября 1936 г. был арестован и осужден за участие в «троцкистском сборище» С. М. Дубровский [7, с. 229]¹¹. У нас нет оснований считать, что С. Д. Димитров был каким-то образом в этом повинен, но руководство Институтом теперь полностью было сосредоточено в его руках, – с 15 ноября именно на Страшемира Димитровича были возложены обязанности директора ИИФО [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 181. Л. 54 об.].

27 ноября 1936 г. С. Д. Димитров стал членом Археологического комитета ГАИМК [Там же. Л. 54]. Как оказалось, одного полевого сезона было для этого вполне достаточно. Его авторитет среди руководства ГАИМК был весьма высок, – на время отсутствия академического начальства он часто назначался исполняющим обязанности председателя ГАИМК, ему приходилось ездить в Москву для подготовки издания 1-го тома учеб-

¹¹ Он был полностью реабилитирован в 1954 г., но в Ленинград после этого не вернулся, трудился в Москве в Институте истории АН СССР [7, с. 229].

ника истории средних веков [Там же. Л. 57], выступать на важных научных собраниях и т.д. Среди архивных документов имеется отзыв о действительном члене Академии С. Д. Димитрове, составленный О. Л. Вайнштейном и Е. Э. Липшиц, вероятно, в мае 1937 г. [Там же. Л. 59]:

«С. Д. Димитров – активный участник революционной борьбы в Болгарии закончил свое историческое образование в СССР в ИКП. С 1934 г. работает в ГАИМК первоначально в качестве ст<аршего> науч<ного> сотр<удника> ИИФО ГАИМК, затем с 1936 г. и по сие время д<ействительного> члена и директора ИИФО. Большой организационный опыт, приобретенный т. Димитровым на практической революционной работе и на ответственной административной и партийной работе в различных организациях СССР (на Октябр<ьской> ж. д., в Совпартишколе, в ИКП) помог ему быстро и активно включиться в работу Института, взять в свои руки руководство всей организационной работой по ИИФО. Одновременно т. Димитров является членом кафедры истории средних веков ГАИМК, разрабатывая специально научно-исследовательскую тему по истории богомилства в Болгарии; руководит Эски-Керменской археологической экспедицией ГАИМК; является председателем Крымской Комиссии ГАИМК. Общественную работу осуществляет в качестве культпропа парторганизации ГАИМК. Один из весьма ценных руководящих работников ГАИМК».

Если оценивать этот отзыв, а также и другие процитированные документы, относящиеся к концу 1936 – первым месяцам 1937 г., так сказать, сами по себе, без увязки с историческим периодом, через который проходила страна, то может показаться, что в жизни С. Д. Димитрова все обстояло в высшей степени благополучно. На самом деле, фигурально выражаясь, над его головой ступились очень мрачные тучи. Да и Академия истории материальной культуры в это время буквально доживала свои последние дни, она была расформирована летом 1937 г. На ее базе, как известно, был создан Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, вошедший в структуру АН СССР. В связи с таким преобразованием работы лишились некоторые известные археологи, но С. Д. Димитров продолжал трудиться и в новом учреждении [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 181. Л. 62], правда, совсем недолго.

Он был арестован 7 августа 1937 г. по обвинению в принадлежности к антисоветской троцкистской организации, якобы существовавшей в Ленинграде среди болгарских политэмигрантов, и с 3 октября 1937 г. С. Д. Димитров содержался под стражей в тюрьме УНКВД. При обыске, происшедшем на его квартире, были изъяты Бюллетени ЦК компартии Болгарии, брошюры Карла Радека «5 лет Коминтерна», его двухтомник «Германская революция», сборник статей «За Ленинизм», «Очерки политической истории Болгарии», разная переписка [Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. 3396. Л. 2]. Хранение книг К. Б. Радека¹², как представляется, явно рассматривалось какотягающий фактор, хоть тот был арестован несколько позднее С. Д. Димитрова.

Первый допрос состоялся 5 октября 1937 г. [Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. 3396. Л. 12–14]. На нем подследственного расспрашивали, в основном, о фактах его биографии, родственниках, друзьях и знакомых. Тогда, в частности, выяснилось, что Ангел, брат Страшемира, проживал в Париже и пел в хоре оперного театра.

На *втором допросе* 1 декабря 1937 г. был задан вопрос о знакомых, репрессированных органами советской власти [Там же. Л. 15]. Таковых оказалось четыре человека: Бочаров Круль – секретарь болгарской политэмигрантской группы в Ленинграде, Алтапармаков Иван, Иванов Мирчо и Павлов Атанас, но, по словам С. Д. Димитрова, в близких отношениях с ними он никогда не был. Тогда был задан вопрос о контактах с И. Н. Поповым и Г. Ф. Поповым. С. Д. Димитров признал, что первый из них «протаскивал на собраниях контрреволюционные троцкистские установки», но он всегда вы-

¹² К. Б. Радек (1885–1939) – партийный и советский государственный деятель. По обвинению в государственной измене был арестован 16 сентября 1936 г., 30 января 1937 г. осужден на 10 лет тюрьмы, убит уголовниками 19 мая 1939 г. [18, с. 380–381; 24, с. 392–394].

ступал против них. Потом пришлось признать, что такие установки разделяли и другие болгарские эмигранты. В протоколе записаны слова С. Д. Димитрова: «Контрреволюционных взглядов Попова, Павлова и Алтапармакова я никогда не разделял, наоборот был против них».

На *третьем допросе*, состоявшемся 2 марта 1938 г. (через четыре месяца после второго!) [Там же. Л. 16–21], С. Д. Димитров был сразу обвинен «в принадлежности к антисоветской троцкистской – террорист<ической> орг<анизации>», но Страшемир Димитрович поначалу решительно отверг это обвинение. На сей раз, однако, следователи взялись за дело очень активно, и мы можем догадываться, какие средства физического воздействия на подсудимого тогда были применены.

На вопрос, с кем из политэмигрантов он поддерживал отношения, С. Д. Димитров назвал целую группу лиц, но отметил при этом, «что в настоящее время они репрессированы органами сов<етской> власти за антисоветскую троцкистскую деятельность», т.е. ни одного из них он, так сказать, не разоблачил. Тем не менее, подсудимому пришлось признать, что он «знал о наличии антисоветской группы, существовавшей в г. Ленинграде среди болгарских политэмигрантов», знал об этом еще с 1925 г., но членом этой группы не являлся.

Следователь по делу, возражая С. Д. Димитрову, привел показания Г. Ф. Попова, который на допросе 19 января 1938 г. заявил: «В 1932 при обсуждении письма Сталина Димитров выступил против предложения, выставляемого большинством, и голосовал за предложение участников антисоветской троцкистской группы Павлова Атанаса, Бачиварова и др.». Подсудимый был вынужден признать этот факт, но здесь необходимо сказать хотя бы несколько слов об упомянутом письме И. В. Сталина. Оно было опубликовано в 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» и посвящено вопросам истории большевизма, борьбе с оппортунизмом и, прежде всего, с троцкизмом. В этом письме, в частности, подчеркивалось, что «троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР» [21, с. 11; 22, с. 98].

Далее стали звучать все более и более серьезные саморазоблачения: «Должен признать что по отдельным вопросам я вел соглашательскую линию и при обсуждении некоторых вопросов политики партии и сов<етской> власти я совместно со всеми участниками антисоветской троцкистской группы голосовал за троцкистские резолюции. Признаю себя виновным только в том, что зная антипартийные взгляды Алтапармакова, Попова и других, не вскрыл их контрреволюционную сущность». «Признаю что действительно с 1926 я являюсь активным участником антисоветской троцкистской организации, существовавшей среди болгарских политэмигрантов в Ленинграде. Находясь в рядах ВКПб двурушником и обманывая, я сохранил себя в партии для того чтобы легче было проводить подрывную работу против партии и советской власти»¹³. Складывается впечатление, что эти слова были сказаны «под диктовку», они мало соответствуют обычной человеческой речи. Стоит привести и характеристику, данную С. Д. Димитровым участникам троцкистской группы: «Выступали на партийных собраниях, обвиняя руководство Коминтерна и ЦК болгарской компартии в поражении революции в Болгарии. Мы так же высказывались о том, что внутри ВКПб никакой демократии нет, вместо этого существует внутривнутрипартийный невыносимый режим, граничащий с внутривнутрипартийным террором. Исходя из этого, мы на своих конспиративных собраниях, устраиваемых на квартирах друг у друга, приходили к выводу, что такое положение внутри партии нетерпимо, что политика ЦК ВКПб ведет страну к гибели. В целях наибольшей дискредитации руководства Коминтерна и ЦК ВКПб нами умышленно составлялись троцкистские резолюции, которые нам иногда удавалось провести. Добавлю, что участники особую ненависть высказывали к руководству Коминтерна и ЦК ВКПб, лично Сталину».

¹³ Подпись С. Д. Димитрова под этими словами, сделанная чернилами, расплылась на бумаге. По всей видимости, у подсудимого здесь упала слеза.

С. Д. Димитров в связи с этим пересказал слова Б. Н. Джангольского, который «открыто высказывал свое недовольство существующим в СССР строем, высказывал контрреволюционную клевету на руководство Коминтерна и при этом дословно заявлял, что в Советском союзе никаких демократических прав рабочие не имеют, и что такое же положение внутри партии, и что советская власть в настоящее время преследует политэмигрантов, сажает в тюрьмы совершенно невинных людей, а руководство Коминтерна идет на поводу у ВКПб и ничего не предпринимает для защиты преследуемых в СССР политэмигрантов». Надо признать, что все эти суждения никак нельзя считать клеветой на тогдашнюю советскую действительность, а скорей наоборот, но за них можно было жестоко поплатиться.

Следователи, естественно, всеми силами стремились добиться от С. Д. Димитрова признания в подготовке террористических актов, но тот долго и упорно твердил, что «антисоветская троцкистская деятельность участников организации ограничивалась только агитацией и пропагандой троцкистских идей, о других методах борьбы вопрос на собраниях не возникал». Правда, через некоторое время ему пришлось признать, что на этих собраниях некоторые члены организации «высказывались о необходимости насильственного устранения руководства ЦК ВКПб и Сталина путем совершения террористических актов». После таких «признаний» следствие можно было закрывать.

В обвинительном заключении по делу С. Д. Димитрова, принятом 19 сентября 1938 г., было сказано, что он вошел в троцкистскую террористическую организацию в 1926 г. и принимал участие в обсуждениях мероприятий, нацеленных на подготовку террористических актов. Обвиняемый признал себя виновным, поскольку был изобличен показаниями свидетелей Попова И. Н., Попова Г. Ф. и Каргаполова Р. К. [Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. 3396. Л. 79].

Дело было заслушано 22 сентября в закрытом судебном заседании «без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей в порядке закона от 1 декабря 1934 г.». В протоколе указано: «Подсудимый виновным себя не признает и от своих показаний, данных им на предварительном следствии, отказался» [Там же. Л. 87]¹⁴. По поводу свидетельских показаний, зачитанных на заседании, С. Д. Димитров ничего не сказал, от последнего слова отказался. Подсудимый был приговорен «к расстрелу с конфискацией всего имущества» [Там же. Л. 88]. Расстрел был произведен в Ленинграде 23 сентября 1938 г. [Там же. Л. 89]. Вот так оборвалась недолгая жизнь человека, стремившегося переделать мир по марксистским учебникам, проявившего интерес к исторической и археологической науке, но не сумевшего (не успевшего?) сделать в ней ничего существенного.

В заключение стоит сказать, что определением Военной коллегии Верховного суда от 4 апреля 1956 г. приговор от 22.09.38 г. в отношении С. Д. Димитрова был отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Иначе и быть не могло! Ведь в «Следственном деле» нет никаких документов, свидетельствующих об антисоветской деятельности обвиняемого. Ясно, что программных документов троцкистской организации, если таковая существовала, могло просто не быть, но ведь в нём отсутствуют материалы личной переписки, содержащей компрометирующие высказывания, нет даже неоднократно упоминавшихся в деле «троцкистских резолюций», которые болгарские политэмигранты «протаскивали» на партийных собраниях. По-существу, обвинение базировалось на оговорах и самооговорах.

Последний (не пронумерованный) документ в «Личном деле С. Д. Димитрова» – это расписка, составленная его вдовой Н. Антоновой: «Автобиографию, написанную самим Димитровым Страшемиром Дмитриевичем, получила для предоставления в Горком КПСС г. Ленинграда 23.XII.1957 г.» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 181]. Вряд ли стоит сомневаться в том, что несчастная женщина не верила в вину своего мужа и пыталась добиться его посмертной реабилитации.

¹⁴ В документе подчеркнуто красным карандашом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Н.А. Исследования «пещерного города» Эски-Кермен в 20-е – 30-е годы XX века // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2015. Вып. 7. С. 106–124.
2. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // *МАИЭТ*. 1991. Вып. 2. С. 43–51.
3. Айбабин А.И. Изучение центральной части города на плато Эски-Кермен // *Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг.* / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2021. С. 5–25.
4. Акимченков В.В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1929–1939). Киев, Симферополь: Антиква, 2012. 120 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения». Вып. 17).
5. Ангелов Д. Богомилство в Болгарии. М.: Иностранная литература, 1954. 214 с.
6. Брачев В.С. Историк М.М. Цвибак (1899–1937) // *Общество. Среда. Развитие*. 2008. № 2 (7). С. 33–54.
7. Бухерт В.Г. «При рассмотрении дела ни в чем себя виновным не признал». С.М. Дубровский в 1936–1954 гг. // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2019. № 2(22). С. 228–240.
8. Васильев П. Богомилы // *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*. Т. 4. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1893. С. 174–176.
9. Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.
10. Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры // *Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014)* / отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.
11. Виноградов Ю.А. Из истории создания «Гераклейского сборника» // «Гераклейский сборник» 1936 г. / науч. ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб: Алетей, 2019. С. 9–15. (Серия «Гераклейский сборник». Вып. I).
12. Виноградов Ю.А. Н.И. Репников. Штрихи к портрету // «Гераклейский сборник» 1936 г. / науч. ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб: Алетей, 2019. С. 16–24.
13. Виноградов Ю.А. Из истории Таманской экспедиции ГАИМК // *Таврические студии*. 2020. № 22. С. 25–30.
14. Виноградов Ю.А., Застрожнова Е.Г., Медведева М.В. Таманская экспедиция ГАИМК: начало конца // *Записки ИИМК РАН*. 2022. № 26. С. 172–187.
15. Герцен А.Г., Махнева-Чернец О.А. «Пещерные города» Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. 216 с.
16. Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство в России в период империализма. М.: Наука, 1975. 398 с.
17. Жаворонков П.И., Турилов А.А. Богомилство // *Православная энциклопедия*. Т. V. М.: Православная Энциклопедия, 2002. С. 471–473.
18. Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. 608 с.
19. Сергей Митрофанович Дубровский (некролог) // *Вопросы истории*. 1971. № 1. С. 218.
20. Равдоникас В.И. Памяти Н.И. Репникова // *Старая Ладога*. Л.: 1948. С. 7–10.
21. Сталин И. О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // *Пролетарская революция*. 1931. № 6(113). С. 3–12.
22. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. 423 с.
23. Тихонов С.Л. Репрессии в ГАИМК: случай партийцев С.Д. Дмитрова и А.И. Кадея // *Интеркультурная философия: полилог традиции* / отв. ред. А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 270–275.
24. Торчинов В.А., Леонтьук А.М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 608 с.
25. Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 160 с.
26. Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. Симферополь: Сонат, 2017. 496 с.

REFERENCES

1. Abramova N.A. The research of the Eski-Kermen “cave town” in the 20’s and 30’s of 20th century. *Materialy po arkeologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2015, vol. 7, pp. 106–124.
2. Aibabin A.I. The main stages of the history of the settlement of Eski-Kermen. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 43–51.
3. Aibabin A.I. Exploring the central part of the city on the Eski-Kermen plateau. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (eds.), *Itogi arkeologicheskikh issledovaniy tsentral’noy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [The results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020]. Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 5–25.
4. Akimchenkov V.V. «Akademiya v miniatyure»: Sevastopol’skiy muzey krayevedeniya (1929–1939). [“Academy in Miniature”: Sevastopol Museum of Local History (1929–1939)]. Kiev, Simferopol, Antikva Publ., 2012, 120 p.
5. Angelov D. *Bogomilstvo v Bolgarii* [Bogomilstvo in Bulgaria], Moscow, Foreign Literature Publ., 1954, 214 p.
6. Brachev V.S. Historian M.M. Tsvibak (1899–1937). *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Society. Environment. Development], 2008, vol. 2(7), pp. 33–54.
7. Bukhert V.G. “During the consideration of the case, he pleaded not guilty to anything”. S.M. Dubrovskiy in 1936–1954. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskiye nauki”* [Bulletin of Omsk University. Series “Historical Sciences”], 2019, no. 2(22), pp. 228–240.
8. Vasil’ yev P. Bogomils. *Entsiklopedicheskiy slovar’ F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron], vol. 4, St. Petersburg, Tipolitografiya I.A. Yefrona Publ., 1893, pp. 174–176.
9. Vasil’kov Ya.V., Sorokina M.Yu. *Lyudi i sudby. Bibliograficheskiy slovar’ vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [People and destinies. Bibliographic dictionary of Orientalists – victims of political terror in the Soviet period (1917–1991)], St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2003, 496 p.
10. Vinogradov Yu.A. Depatmebt for the History of Classical Culture. Nosov E.N. (ed.), *Akademicheskaya arkeologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014)* [Academic Archaeology on the Banks of the Neva (from RAHMC to IHMC, 1919–2014)], St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2013, pp. 160–190.
11. Vinogradov Yu.A. From the history of the creation of the “Heraclea Collection”. Vinogradov Yu.A., Smekalova T.N. (eds.), «*Gerakleyskiy sbornik*» 1936 g. [Heraclea Collection 1936], St. Petersburg, Aleteia Publ., 2019, pp. 9–15.
12. Vinogradov Yu.A. N.I. Repnikov. Touches to the portrait. Vinogradov Yu.A., Smekalova T.N. (eds.), «*Gerakleyskiy sbornik*» 1936 g. [Heraclea Collection 1936], St. Petersburg, Aleteia Publ., 2019, pp. 16–24.
13. Vinogradov Yu.A. From history of the Taman expedition of the SAHMC. *Tavrisheskiye studii* [Tauride Studies], 2020, no. 22, pp. 25–30.
14. Vinogradov Yu.A., Zastrozhnova E.G., Medvedeva M.V. Taman expedition of the SAHMC: the beginning of the end. *Zapiski Instituta istorii material’noy kul’tury RAN* [Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS], 2022, no. 26, pp. 172–187.
15. Gertsen A.G., Makhneva-Chernets O.A. «Peshchernyye goroda» Kryma [“Cave towns” of Crimea]. Simferopol, Tavria-Plus Publ., 2004, 216 p.
16. Dubrovskiy S. M. *Sel’skoe khozyaystvo i krest’yanstvo v Rossii v period imperializma* [Agriculture and the peasantry in Russia during the period of imperialism], Moscow, Nauka Publ., 1975, 398 p.
17. Zhavoronkov P.I., Turilov A.A. Bogomilstvo. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], vol. 5, Moscow, Orthodox Encyclopedia Publ., 2002, pp. 471–473.
18. Zaleskiy K.A. *Imperiya Stalina. Biograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar’* [Stalin’s empire. Biographical encyclopedic dictionary]. Moscow, Veche Publ., 2000, 608 p.
19. Sergey Mitrofanovich Dubrovskiy (obituary). *Voprosy istorii* [Questions of the history], 1971, no. 1, p. 218.
20. Ravdonikas V.I. In memory of N.I. Repnikov. *Staraya Ladoga* [Old Ladoga], Leningrad, 1948, pp. 7–10.

21. Stalin I. On some questions of the history of Bolshevism. Letter to the editorial office of the “Proletarian Revolution” magazine. *Proletarskaya Revolyutsiya* [Proletarian Revolution], 1931, no. 6 (113), pp. 3–12.
22. Stalin I.V. *Sochineniya* [Writings], vol. 13, Moscow, Political literature Publ., 1952, 423 p.
23. Tikhonov S.L. Repression in the SAHMC: the case of Party members S.D. Dmitrov and A.I. Kadey. Malinov A.V., Rybas A.E. (eds.), *Interkul'turnaya filosofiya: polilog traditsii* [Intercultural Philosophy: Polylogue of Tradition], St. Petersburg, Intersotsis Publ., 2020, pp. 270–275.
24. Torchinov V.A., Leontyuk A.M. *Vokrug Stalina. Istoriko-biograficheskiy spravochnik* [Around Stalin. Historical and biographical guide], St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2000, 608 p.
25. Kharitonov S.V. *Drevniy gorod Eski-Kermen. Arkheologiya, istoriya, gipotezy* [The ancient city of Eski-Kermen. Archaeology, history, hypotheses], St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2004, 160 p.
26. Yurochkin V.Yu. *Gotskiy vopros* [Goth question]. Simferopol, Sonat Publ., 2017, 496 p.

Информация об авторе

Виноградов Ю. А. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН

Author information

Vinogradov Yu. A. – Doctor of Science (History), Leading Researcher of the Institute for the History of Material Culture of the RAS.